

ПОНЯТИЕ «ПОПУЛЯРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Античные источники нередко отмечают биполярный характер политической борьбы в Поздней Римской республике. Так, Саллюстий пишет о том, что после трибуната Тиберия Гракха в Риме начались раздоры между народом и знатью (Iug. 41–42), а в последние десятилетия Республики авторитет сената и права народа уже служили просто предложениями для борьбы честолюбцев за власть (Cat. 38). Цицерон (Sest. 96–105) говорит о двух родах государственных деятелей, всегда существовавших в Риме: популяры – честолюбивые демагоги, угождающие толпе, и оптиматы – совокупность честных, здравомыслящих и состоятельных людей всех сословий. Данные определения явно продиктованы политическими соображениями, и в других произведениях Цицерон придает этим терминам иной смысл: например, в речах перед народом слово «популяр» означает политика, который заботится о благе народа (Leg. agr. II. 9; Rab. perd. 11), в трактате «О государстве» (I. 42) выражение *civitas popularis* используется для перевода греческого термина «демократия», а в письме обыгрывается двусмысленность этого слова («нет ничего популярнее, чем ненависть к популярам», *populare nunc nihil tam est quam odium popularium* – Att. II. 20. 4). Однако Цицерон остается главным источником об употреблении терминов «оптиматы» и «популяры» в конце Республики: более ранние упоминания отсутствуют, Цезарь и Саллюстий избегали этих понятий, а на последующую традицию сильное влияние оказала терминология Цицерона².

Ввиду того, что эти слова явно многозначны, политически и ценностно окрашены, а их употребление не всегда последовательно, вопрос о содержании этих понятий породил много споров. Исследователи дискутируют о том, каких именно политиков в Риме называли популярами, составляли ли они некую общность, что служило для них объединяющим признаком, как они соотносились с оптиматами и является ли эта пара понятий равнозначной. От разрешения этих проблем зависят многие другие спорные вопросы: о характере и содержании политической борьбы в Поздней Римской республике, о структуре римского общества и правящего класса, об особенностях римской идеологии и, наконец, о причинах кризиса и падения Республики. В отечественных и зарубежных исследованиях можно выделить несколько основных подходов к понятию «популяры».

1. Популяры как политическая партия

В XIX – начале XX в. в историографии господствовало представление о том, что в Поздней республике борьба велась между двумя партиями, в чем-то аналогичными европейским парламентским партиям. Впервые эта концепция была четко выражена в исследовании В. Друмана, который, однако, не использует понятие «популяры» и вместо этого говорит о «народной партии», основанной братьями Гракхами и противостоящей оптиматам, т.е. сенатской партии. Руководители оптиматов и народной партии могли меняться, но равновесие не достигалось: партии смеялись друг друга у власти, и борьба не прекращалась. В конце концов политическая жизнь в Риме деградировала, обе партии были ликвидированы и установилась монархия³.

Т. Моммзен предложил классический вариант данной схемы. Он уже говорит о партиях оптиматов и популяров, которые появились в середине II в. до н.э. и, судя по названиям, должны были пред-

¹ В статье рассматриваются исследования, опубликованные начиная со второй половины XIX в. Я выражаю искреннюю благодарность А.Л. Смышляеву за ценные советы и критику и А.В. Марееву за предоставление книги Л. Перелли.

² О дихотомическом изображении политической борьбы у Ливия и в ливийской традиции, а также у греческих историков см. Seager 1977; Perelli 1982, 61–69; Лапырёнок 2005б, 90–99.

³ Drumann 1964, 367–369; первое издание данной работы опубликовано в 1838 г.

ставлять волю аристократов и волю народа. Однако обе партии были заражены процессом политического разложения, а их программы не выходили за рамки существующего порядка⁴. Характеризуя партию популяров, Моммзен пишет, что она не могла управлять государством и не стремилась к этому⁵, а ее вождями были либо политики-новички, желавшие прославиться, либо аутсайдеры, не имевшие шансов на традиционную карьеру, и лишь когда партию возглавлял человек, нацеленный на достижение личной власти, она могла добиться какого-то успеха⁶. Анализируя состояние партии популяров после диктатуры Суллы, Моммзен подчеркивает разнородность ее состава и целей: это была рыхлая масса оппозиционных элементов (финансисты, городской пролетариат, транспаданцы, проскрибированные и т.д.), внутри которой исследователь выделяет популяров в узком смысле – искренних ограниченных радикалов, добивавшихся прежде всего восстановления трибуната⁷. На протяжении 70–60-х годов до н.э. партия популяров достигла власти, однако так и не решила главных проблем в государстве. Поскольку популяры видели опасность со стороны полководцев, жаждавших личной власти, Цезарь, их лидер, в свою очередь добился империя⁸. После его отъезда в Галлию популяры обратились к демагогии и насилию, и их лозунги были окончательно дискредитированы⁹. В свою диктатуру Цезарь устранил обе партии с политической сцены. Он проводил умеренную политику, но в целом реализовал программу популяров: облегчение положения должников, заморская колонизация, уравнивание прав различных групп подданных, снижение роли сената в государстве¹⁰.

Концепция Моммзена оказала сильное влияние на советскую историографию, в частности, на работы С.И. Ковалева и Н.А. Машкина. По мнению данных исследователей, в последний век Республики борьба велась между имущими и неимущими, а руководили ею наиболее организованные группы – партии оптиматов и популяров¹¹. Экономической базой нобилитета было крупное, основанное на рабском труде землевладение, а противостояло ему мелкое крестьянство, которому грозило обезземеление. Главным требованием популяров были аграрные законы, затем в их программе появились хлебные законы, а также политические требования демократизации римского общества, а в основе ее идеологии лежали консервативно-утопические взгляды. Первоначально для деятельности популяров были характерны принципиальность борьбы и широкая программа, однако с возрастом роли городского плебса в конце II в. они обращаются к демагогии, политическим убийствам, подкупам, организации особых дружин. После военных реформ Мария приобретают большое значение ветераны и их полководцы, а крестьянство, опора демократического движения, отходит на задний план. Лозунги оптиматов и популяров сохраняются, но лишь прикрывают честолюбие военных вождей, что ведет к их деградации¹². По мнению Н.А. Машкина, об оптиматах и популярах можно говорить как о партиях, лишенных, однако, четкой организации, постоянного членства и аппарата. Популяры имели более аморфную структуру, чем оптиматы, так как, принадлежа к знати, опирались на непостоянное народное собрание¹³.

Если в советской историографии в 30–50-е годы XX в. господствовало представление Т. Моммзена о популярах как о политической партии, то большинство западных историков, работавших в этот период, отказалось от двухпартийной схемы в пользу просопографического (или плюралистического) подхода к римской политике.

2. Популяры как политики, прибегающие к демагогическому стилю или методу

Впервые двухпартийную теорию Т. Моммзена поставил под вопрос М. Гельцер: по его мнению, политическая борьба в Поздней республике представляла собой не противостояние аристократов и демократов, а соперничество за власть небольших группировок знати, которые формировались на

⁴ Моммзен 1937, 73–74, впервые опубликовано в 1855–1856 гг.

⁵ Моммзен 1937, 150–151.

⁶ Моммзен 1937, 189–190

⁷ Моммзен 1941, 7–10.

⁸ Моммзен 1941, 97–98, 136–140, 168.

⁹ Моммзен 1941, 249, 289.

¹⁰ Моммзен 1941, 386–387, 392.

¹¹ Машкин 1947, 131; Ковалев 1986, 357, прим.: впервые опубликовано в 1948 г.

¹² Машкин 1947, 134–136; Ковалев 1986, 333, 374.

¹³ Машкин 1947, 137; ср. Ковалев 1986, 370, где отмечается существование популяров в узком смысле – беспринципных нобилей, которые использовали демократию для удовлетворения личного честолюбия.

основе родственных и дружеских связей и обмена услугами между нобилиями, получали поддержку за счет их клиентелы и были довольно непостоянными по составу. В книге, где эта концепция изложена наиболее полно¹⁴, М. Гельцер вообще не оперирует понятиями «оптиматы» и «популяры», однако останавливается на них в другой работе¹⁵. Исследователь подчеркивает, что эти названия применялись лишь к политикам и никогда – к их сторонникам в народном собрании. По его мнению, популяры – это не организованная партия, а политики с новыми идеями, появившиеся во второй половине II в. до н.э. Они были сенаторами, но желали сломить сенатское правление, получить большинство голосов в народном собрании и управлять государством с Форума. Однако решения римского городского плебса выражали волю лишь малой части граждан, и, таким образом, популяры стремились не столько к тому, чтобы правительство следовало воле народа, сколько к реализации своих политических проектов.

Г. Штрасбургер развил эти идеи в статье об оптиматах в «Реальной энциклопедии Паули–Виссова», где немало внимания уделил и популярам¹⁶. Исследователь подчеркивает, что если оптиматы, благодаря связывающим их интересам представляли собой некую общность, то народ не мог противопоставить нобилитету ничего подобного. Слово *popularis* античные авторы употребляют только по отношению к конкретным лицам; популяры – друзья и руководители толпы, но отделены от нее. Аристократам противостоят одиночки из их собственных рядов, защищающие интересы народа; борьба ведется не против масс, а внутри элиты. Многие популяры получили это имя в результате лишь одной изолированной акции. Их связывает то, что все они ориентированы на реформы и опираются на народное собрание. Однако популяров нельзя считать демократами – они не собирались приводить к власти народ, а пользовались им как инструментом достижения своих целей. Никто из них не оспаривал руководящее положение нобилитета.

В этом же духе рассуждает Р. Сайм, по мнению которого «политическая жизнь в Римской республике характеризовалась и направлялась не партиями и программами на современный парламентский манер, но мнимым противостоянием сената и народа, оптиматов и популяров, *nobiles* и *homines novi*, но борьбой за власть, богатство и славу»¹⁷. Имя популяров присвоили себе политики, использовавшие трибунал в интересах реформы или личного честолюбия. Среди них были как мошенники и честолюбцы, так и искренние и честные реформаторы¹⁸, однако никто из них не был сторонником народного суверенитета. Римские политики могли отстаивать права народа или сената, но в действительности боролись лишь за власть¹⁹. Весьма схожие рассуждения можно встретить в работах ряда других исследователей²⁰.

Л.Р. Тэйлор занимает более осторожную позицию: хотя в Риме не было подлинной партийной организации, но все же существовало разделение на сторонников авторитета сената и защитников прав народа. Однако это было не противостояние сената и народа как таковых. Группа консервативных нобилей приобрела контроль над сенатом и препятствовала реформам. Потерпев поражение, их противники проводили свои законы через народное собрание без одобрения сената; оппоненты описывали таких людей как популяров, т.е. демагогов, себя же предпочитали называть оптиматами, т.е. «лучшими». Политики, опиравшиеся на народ, называли своих противников *factio*, т.е. олигархий, а их самоназвание неизвестно. Л.Р. Тэйлор полагает, что отсутствие устойчивых названий для этих группировок лучше всего доказывает отсутствие организованных партий. Впрочем, консерваторы все же поддерживали достаточно устойчивый блок, однако популяры были хуже организованы, и популярская политика часто была для нобилия временным приемом.

Тем не менее Л.Р. Тэйлор признает наличие у оптиматов и популяров некоего подобия программ. Оптиматы стремились сохранить за сенатом роль главного правительственного органа, защитить казну и частную собственность; они обвиняли популяров в стремлении к царской власти и призывали защитить свободу. Популяры инициировали распределение зерна, аграрные законы, расширение гражданства, облегчение доступа к должностям для «новых людей»; они обличали тиранию нобилей и рабство народа. Впрочем, все популяры, кроме, возможно, Гракхов, стремились к личной власти, и все они, кроме Мариа, происходили из наследственного нобилитета. Теоретически борьба популяров

¹⁴ Gelzer 1912.

¹⁵ Gelzer 1968, 12–14, впервые опубликовано в 1921 г.

¹⁶ Strasburger 1939, 780–798.

¹⁷ Syme 1939, 11–12.

¹⁸ Syme 1939, 16.

¹⁹ Syme 1939, 153–154.

²⁰ Wirszubski 1968, 39–65, впервые опубликовано в 1950 г.; Scullard 1970, 6, 32, впервые опубликовано в 1959 г.; Adcock 1964, 39–65; впервые опубликовано в 1959 г.

и оптиматов была основана на программах, но фактически различие состояло только в методе. Поэтому в своем исследовании Л.Р. Тэйлор уделяет основное внимание не программам, а личностям²¹.

Это представление о популярах как о политиках, придерживающихся определенного стиля или метода, было еще раз обосновано в нескольких важных работах, опубликованных в 60-х годах.

Тщательно проанализировав употребления слова *popularis* в источниках, Ж. Эллегуар показал, что первоначально это слово было прилагательным, которое означало «народный», «принадлежащий народу», «угодный народу». Это значение, как правило, благоприятно, но в политике слово *popularis* чаще всего употребляется в прегнантном значении: «то, что позволяет завоевать любовь народа» – и часто в уничижительном смысле. В политическом словаре «популярами» называют совокупность тех, кто стремится опереться на народ, чтобы обеспечить себе карьеру. Это политики из сенаторского сословия, которые отторгнуты нобилитетом и вынуждены компенсировать недостаток влияния, заискивая перед народом. Гракхи первыми носили это имя; они, по-видимому, искренне желали блага плебсу и государству в целом и инициировали истинное демократическое движение. Но после них нельзя говорить о популярах как о демократической партии: социальные законы не являлись для них самоцелью, у них не имелось определенного плана действий или программы. Главное, что их объединяло, – это враждебность к сенату. Порой их мероприятия были даже противоречивыми, но все же сходство методов породило некую общность воззрений и преемственность политики. Если блага народа и не было истинной целью популяров, оно все же в определенной мере достигалось благодаря их действиям²².

В русле концепции М. Гельцера и Г. Штрасбургера написаны статья Кр. Майера о популярах в «Реальной энциклопедии Паули–Виссовы» и его же книга «*Res publica amissa*». Кр. Майер отмечает, что повседневная политика в Риме включала множество мелких проблем, касавшихся отдельных лиц, групп или общин. По разным вопросам часто образовывались союзы, состав которых был гибким и подвижным. Однако вокруг важных проектов, в виде исключения, могла возникать крупная партия, способная мобилизовать городской плебс и одержать победу в народном собрании. Но это происходило лишь при необходимости, изредка и ненадолго²³.

Возникновение этого метода обусловливалось дуализмом римской конституции: сенат имел широкие полномочия, но компетенция народного собрания формально была неограниченной²⁴. Городской плебс никогда не проявлял инициативу, но если политику удавалось его активизировать, то плебс становился очень могущественным, и с его помощью можно было провести отдельные важные решения. Однако плебс не мог служить постоянной опорой, так как легко поддавался подкупу и не способен был защитить оппозиционных политиков от сената, если тот применял силу. В народе не существовало собственной постоянной силы, которая бы стремилась к определенным целям и вынуждала бы политические группировки на них ориентироваться²⁵.

Популяров Кр. Майер определяет как сенаторов, которые добивались своих целей с помощью народного собрания, представляя себя как защитников народа²⁶. Политиков причисляли к популярам на основании их методов и ораторской манеры, но их намерения и убеждения могли быть самыми разнообразными²⁷. Эти деятели не стремились к демократизации римской политики – они желали либо добиться личных целей, либо устранить отдельные проблемы в государстве. Различные популяры не были связаны друг с другом, и если сотрудничали, то лишь по тактическим причинам²⁸. Популярская политика, по мнению Кр. Майера, – это определенный политический стиль, который не передавался в пределах однородной команды, но принимался как роль в репертуаре римской политики, чтобы преодолеть сопротивление большинства сената²⁹.

В основе политического стиля популяров лежало утверждение о том, что существует антагонизм между сенатом и народом. При этом популяры противопоставляли себя современному им сенату или даже контролирующей его клике, но не сенату как учреждению вообще. Они провозглашали три основных комплекса целей и осуществляли соответствующие мероприятия: 1) восстановление свободы, обеспечение основных прав народа; 2) устранение произвола сенатской клики, обеспече-

²¹ Taylor 1971, 9–24: впервые опубликовано в 1949 г.

²² Hellegouarc'h 1963, 518–541.

²³ Meier 1965, 563–565.

²⁴ Meier 1965, 549–550.

²⁵ Meier 1965, 560–563.

²⁶ Meier 1965, 555; 1966, 116.

²⁷ Meier 1965, 567–568.

²⁸ Meier 1965, 557–559.

²⁹ Meier 1965, 555; 1966, 127.

ние высшей власти народа в государстве; 3) повышение уровня жизни бедных слоев³⁰. Кр. Майер оговаривает, что речь здесь идет не об истинных намерениях популяров, а лишь о том, что они провозглашали в своей агитации; и все эти лозунги и законопроекты зачастую служили лишь средством для достижения совсем иных целей³¹. В своей политической деятельности популяры опирались на народные собрания, через которые проводили свои законопроекты, и на сходки, на которых провозглашали свои лозунги. Также они прибегали к организации скоплений народа для давления на сенат или суд, захвату подступов к Форуму в день голосования и другим актам насилия. Популяры могли вызывать в Рим группы собственных приверженцев, собирать толпы плебса с помощью закрытия лавок, опираться на коллегии плебса и вооруженные отряды³². Тем не менее популяры действовали в достаточно узких рамках, так как справедливость существующего порядка в целом не подвергалась сомнению. Однако нападки популяров на правящую элиту ослабляли моральные основы конституции, что способствовало слому политической культуры³³.

Таким образом, по мнению Кр. Майера, популяры – это не партия, не движение и не течение; это ряд отдельных политиков, которые на том или ином этапе своей карьеры действовали в рамках определенного политического стиля и использовали определенный набор лозунгов и методов для достижения собственных целей.

К схожим выводам приходит Й. Мартин³⁴. Он выделяет три различных типа популяров: трибун-реформатор; демагог; полководец, стремящийся к личной власти. Всех их объединяет использование популярского метода: они действуют при помощи народного собрания вопреки воле сената. Поскольку сенат имел легальные средства противодействия, популярский метод почти всегда оборачивался нарушением законов и применением силы.

Законы, предлагавшиеся популярами, Мартин делит на три группы: реформы, нацеленные на разрешение общегосударственных проблем; мероприятия, повышавшие эффективность популярского метода; законы, предназначенные для достижения личных целей³⁵. Мартин отмечает, что почти все популяры осуществляли свои мероприятия в должности трибунов: она позволяла применять самый простой законодательный механизм, была идеологически связана с народом и независима от сената. Реформаторская фаза деятельности популяров продолжалась до трибуната Сулпиция в 88 г.; после Суллы они служили отдельным влиятельным нобилям, конфликтующим с сенатом³⁶. Римский народ не участвовал в управлении, не имел собственных политических целей и был расколот на городское и сельское население; он просто использовался как инструмент во внутренней борьбе нобилитета. Народ никогда не был надежной опорой для популяров, что в конце концов привело к созданию вооруженных отрядов³⁷.

В отличие от Кр. Мейера, Й. Мартин все же считает возможным говорить о популярской идеологии. Ее важнейшими составляющими являлись права трибунов и *provocatio*; это объясняется тем, что трибунат был главным оружием популяров, а *senatusconsultum ultimum* – главным оружием сената. Популярское понимание истории предполагало проекцию данной идеологии в прошлое с тем, чтобы сделать популярскую политику более респектабельной³⁸.

Римляне считали популярский метод важным критерием различения политиков, и в борьбе вокруг него Й. Мартин видит проявление глубокого раскола римского нобилитета. Популяры не опирались на революционный класс и не имели революционных целей; они использовали народ как политическое средство и не пытались уничтожить сенат и магистратуры. Они желали в рамках республики занимать выдающееся положение и оказывать определяющее влияние на политику. Однако популяры многократно нарушали традиции и законы и содействовали разрушению патроната и клиентелы, поэтому Мартин считает их важными факторами дезинтеграции римской политической жизни³⁹.

Целиком в русле представлений М. Гельцера и Кр. Майера написана статья У. Хакль⁴⁰, в которой подчеркивается значительное сходство реформаторской программы Ливия Друза, трибуна 91 г. до н.э., с мероприятиями Гая Гракха с одной стороны и Суллы – с другой. По мнению У. Хакль, это сход-

³⁰ Meier 1965, 593–599; 1966, 127.

³¹ Meier 1965, 593; 611–612.

³² Meier 1965, 612–615.

³³ Meier 1966, 144–151.

³⁴ Martin 1965, 210–226.

³⁵ Martin 1965, 210–213.

³⁶ Martin 1965, 213–214.

³⁷ Martin 1965, 215–216.

³⁸ Martin 1965, 216–218.

³⁹ Martin 1965, 223–226.

⁴⁰ Hackl 1987.

ство еще раз подтверждает, что не существовало никакой популярской или оптиматской программы, но имелись некоторые срочные и насущные проблемы, которые необходимо было решить. Политики, осознавшие это, добивались реформ и использовали их для того, чтобы занять высокое положение в государстве. Отличие популяров и оптиматов было только в методах, и для всех популяров общим стало лишь одно – они обращались напрямую в народное собрание, в обход сената.

Г. Добльхофер, исследовавший политику популяров в 111–99 гг. до н.э. с помощью биографического метода, вполне разделяет воззрения просопографической школы о том, что популяры не были однородной группой, которая проводила обдуманную политику, основанную на убеждениях. В их деятельности он выделяет три этапа (эпоха Гракхов, 111–99 гг. до н.э. и постсулланские популяры), разделенные фазами покоя, причина которых – насильственная смерть видного популяра и преследование его сторонников. Но даже в рамках одного этапа очень редко наблюдаются совместные действия популяров, и исследователь полагает, что ни единства, ни преемственности между ними не существовало⁴¹. Тем не менее Г. Добльхофер ставит под сомнение основополагающий тезис Р. Сайма, Кр. Майера и других представителей этого направления, – а именно, мнение, будто политики избирали популярский метод лишь временно и под влиянием карьерных соображений и поэтому политическая деятельность в Римской республике сводилась к борьбе за власть внутри правящей олигархии. В 111–99 гг. до н.э. стремление популяров к финансовой выгоде, должностям или полномочиям засвидетельствовано очень скудно; мало примеров, чтобы деятель обратился к популярской политике после неудачи в сенате – чаще всего карьеры политиков начинались популярскими акциями и в большинстве случаев от них не выигрывали. Наибольшую любовь народа приносили политикам аграрные и хлебные законы, однако популяры ими не ограничивались: они обвиняли могущественных лиц, навлекая на себя вражду, и проводили судебные законы, в которых были заинтересованы лишь отдельные слои. Плебс не имел особого веса в центуриатных комициях, где выбирали высших магистратов, зато ненависть высших классов могла сильно повлиять на результаты этих выборов. Популярские законы часто имели огромное политическое значение, и если бы их инициировали лишь ради сиюминутных выгод, это означало бы полную диспропорцию цели и средств. Таким образом, по мнению исследователя, действия популяров гораздо проще объяснить, если считать, что они руководствовались более честными мотивами⁴². В 111–99 гг. популяры стремились исправить недостатки римской внутренней политики и готовы были поступиться привилегиями собственного класса, чтобы гарантировать дальнейшее существование Римской республики. В понимании необходимости реформ они далеко опередили большинство сената⁴³.

В позиции Г. Добльхофера присутствует определенная двойственность: оставаясь в целом в рамках концепции просопографической школы, исследователь вместе с тем ставит под сомнение ее основополагающий тезис. Возможно, эта двойственность связана с тем, что в 70–80-х годах прошлого века просопографическая школа постепенно теряет прежнее влияние: и дихотомическая модель римской политики возрождается, хотя и в обновленном виде: многие исследователи отстаивают мнение о том, что популяров связывали некая общая программа и идеология, которые противопоставлялись программе и идеологии оптиматов. Как правило, в популярской пропаганде выделяется две основных составляющих: свобода народа (*libertas populi*) и выгоды народа (*commoda populi*). Соответственно исследователей, возражавших против воззрений просопографической школы, можно разделить на два направления: одни рассматривают популяров прежде всего как защитников экономических интересов неимущих слоев, другие же – как приверженцев демократической идеологии и сторонников народного суверенитета. Первое направление преобладало в историографии в 70–80-х годах, второе вышло на первый план в 90-е годы. Кроме того, в конце 80-х гг. возобновляются попытки выявить организационную структуру популяров и вернуться к представлению о них, как о своего рода политической партии.

3. Популяры как защитники интересов неимущих слоев

Необходимость учитывать экономические противоречия и классовую борьбу в римском обществе подчеркнули выдающиеся итальянские романисты, находившиеся под влиянием марксизма, – Ф. де Мартино и Ф. Серрао. Они исследовали законодательную деятельность популяров и пришли к выводу, что социальные контрасты и классовая борьба играли более важную роль, чем личные связи нобилей,

⁴¹ Doblhofer 1990, 122–140.

⁴² Doblhofer 1990, 105–121.

⁴³ Doblhofer 1990, 132.

их честолюбие и корыстолюбие⁴⁴. Политическую борьбу в Риме вели два политических движения, представлявшие обширные социально-экономические интересы – аристократическое (оптиматы) и демократическое (популярты). Сами римляне не скрывали экономическую сущность этой борьбы и говорили, что оптиматы отражают интересы знати, популярты – интересы народа⁴⁵. Наибольшую активность популярты развивали на сходках, их главным полем деятельности было законодательство. Коллегии, имевшие политический характер, можно рассматривать как зачатки партийных ячеек⁴⁶. На протяжении долгого времени в законодательной деятельности популяртов наблюдается немалая преемственность, что свидетельствует о существовании крупного движения с единой программой⁴⁷. Особенно важное место занимают в ней экономические требования: аграрные законопроекты, которые начиная с конца II в. до н.э. предназначаются для обеспечения не только плебса, но и ветеранов, хлебные законопроекты, облегчение долгового бремени⁴⁸. Концепция свободы у популяртов имела прямую связь с социально-экономическими реформами: аграрные и хлебные законы способствовали равноправию и справедливости, которые считались необходимыми составляющими свободы⁴⁹. Движением популяртов всегда руководили нобили, однако их мероприятия отвечали потребностям широких слоев народа, и эти слои служили важным источником силы при проведении реформ. Популярты пользовались поддержкой низших классов в личных целях, но и сами вынуждены были подчиняться демократическому движению и проводить определенные мероприятия, даже если они и не всегда составляли единый замысел⁵⁰.

Если Ф. Де Мартино и Ф. Серрао исследуют движение популяртов сквозь призму их законодательной деятельности, то Л. Перелли особое внимание уделяет анализу классов и слоев, которые поддерживали популяртов на различных этапах их деятельности. Главной опорой популяртов на протяжении всего последнего века Республики он считает сельский плебс – мелких землевладельцев, арендаторов и поденщиков: именно они столкнулись с наиболее тяжелыми проблемами и были заинтересованы в аграрных и колониальных законах, а также в снижении долгового бремени. Сельский плебс составлял для популяртов более надежную базу, чем городской, потому что был свободнее от клиентских связей с нобилитетом. Эта свобода укрепилась бы в сочетании с экономической независимостью, поэтому популярты стремились восстановить класс мелких собственников. Однако сельский плебс проживал далеко от Рима: популярты могли мобилизовать его для принятия важных предложений, но не удержать в столице надолго⁵¹.

Городской плебс, несмотря на попытку Гая Гракха завоевать его симпатии с помощью хлебного закона, первоначально мало поддерживал популяртов и нередко был враждебен их инициативам. Только с начала 60-х годов до н.э. городской плебс начинает последовательно выступать за популяртов, а при Клодии он был организован, мобилизован и стал главным действующим лицом на политической сцене. Нобилитету становилось все труднее контролировать население Рима, которое постепенно освобождалось от клиентской зависимости благодаря росту своей численности, введению тайного голосования и государственных хлебных раздач. Впрочем, сказанное выше относится лишь ко второму из четырех слоев, на которые Л. Перелли делит городской плебс, к его наиболее важному и политически активному элементу: это содержатели лавок, мелкие торговцы и ремесленники, заинтересованные в разрешении долговой проблемы, снижении цен и нормализации снабжения, а также в выведении заморских колоний. Выше них располагались крупные предприниматели, не обладавшие всадническим цензом, которые поддерживали популяртов лишь изредка. Ниже стояли наемные работники, участие которых в политических конфликтах плохо засвидетельствовано, и лица без определенных занятий, зависимые от щедрости нобилей и участвовавшие в подавлении популяртских движений⁵².

Рассматривая роль солдат и ветеранов, Л. Перелли подчеркивает, что даже после реформы Мария солдаты не считались профессионалами и были ориентированы на отставку и возвращение к мирной жизни. Собственно военные вмешательства армии в политику Л. Перелли не анализирует, так как они выходят за рамки борьбы оптиматов и популяртов. Но если в политическом процессе участвовали ветераны, они, как правило, поддерживали популяртов, ибо в основном происходили из

⁴⁴ Serrao 1974, 170–200.

⁴⁵ Serrao 1974, 173–174.

⁴⁶ Serrao 1974, 178–179.

⁴⁷ Serrao 1974, 194.

⁴⁸ De Martino 1980.

⁴⁹ Serrao 1974, 178–181.

⁵⁰ De Martino 1980, 80; Serrao 1974, 177–178, 194.

⁵¹ Perelli 1982, 229–231.

⁵² Perelli 1982, 231–236.

сельского плебса и их главные стремления совпадали со стремлениями их класса⁵³. Итальянцы, как подчеркивает Л. Перелли, не были однородной социальной группой, но вопрос о предоставлении гражданства волновал все слои итальянского населения, а это предложение поддерживали популяры, чтобы максимально расширить число голосующих. После того как итальянцы получили полное гражданство, их политический выбор был обусловлен классовыми интересами: сельский плебс остался верен популярам, высшие классы поддерживали оптиматов, средние слои сочувствовали умеренным популярам-реформистам, которые не угрожали правам собственности, но обещали расширить их политическое участие⁵⁴. Что касается всадников, то с ними популяры заключали случайные союзы, но не искали их постоянной поддержки. В моменты острых кризисов всадники всегда вставали на сторону оптиматов и выступали против требований низших слоев; в других случаях их вклад в дело популяров был второстепенным⁵⁵.

П.А. Брант подверг критике как позиции просопографической школы, так и традиционную двухпартийную схему. По его мнению, оптиматы и популяры не были политическими партиями: популяры – это отдельные политики или группы политиков, готовые проводить свои предложения вопреки сопротивлению сената. Оптиматами называли большинство сенаторов, объединившихся для защиты авторитета сената. Партий в Риме не существовало, потому что они были не нужны: на выборах определялось не то, какая политика будет проводиться в ближайший год, а то, кто именно будет проводить политику, предписанную сенатом или народом. Кандидаты редко выдвигали программы, а народ при голосовании руководствовался не партийными пристрастиями, а оценкой предлагаемой меры⁵⁶.

С другой стороны, П. Брант полагает, что не следует концентрировать внимание на борьбе аристократических группировок и пренебрегать установками других классов. В эпоху Цицерона родственники нередко расходились в политике, дружба бывала преходящей и номинальной, и человек мог одновременно иметь обязательства перед двумя враждующими политиками. Вокруг сильного лидера действительно могли формироваться группировки приверженцев, но они обычно упоминаются в периоды военных действий, а не в мирное время. Аристократические амбиции препятствовали образованию личных партий; рядовые сенаторы настороженно относились к политикам, чье влияние было так велико, что угрожало их достоинству и независимости⁵⁷.

Таким образом, по мнению П. Бранта, в Риме не существовало прочных и крупных семейных союзов, а раздоры между мелкими группировками имели меньше значения, чем расхождения в принципах и интересах, которые разделяли оптиматов и популяров. В традиционной римской морали обязательства перед близкими и друзьями весили меньше, чем обязательства перед отечеством. В любом публичном споре соображения государственных интересов всегда занимали первое место⁵⁸, а во время гражданских войн противоположные принципы (авторитет сената и свобода народа) провозглашались в пропаганде и оказывали воздействие на умы людей⁵⁹. Этот раскол, по мнению П. Бранта, не следует объяснять только политическими разногласиями. Именно то, каким образом оптиматы использовали свою власть, вызывало недовольство бедных, интересы которых защищали популяры. И Саллюстий, и Цицерон признают, что бедные слои поддерживают «дурных» и завидуют «порядочным» и стремятся опрокинуть существующий порядок. Напротив, для Цицерона главная функция государства – охрана прав собственности, а собственники, в свою очередь, – его естественные защитники. Он считал, что, удовлетворяя народ за их счет, популяры вредят государству; а задачу оптиматов видел в том, чтобы служить интересам всех состоятельных людей. Соответственно, оптиматы считали, что народу нужно предоставлять лишь видимость свободы, а магистраты должны повиноваться воле сената. Популяры же полагали, что если сенат не принимает мер, необходимых для общего блага, то магистраты вправе представлять предложения суверенному народному собранию⁶⁰.

П. Брант признает, что оптиматы не отличались высокими принципами и преданностью интересам граждан, однако не сомневается, что они искренне считали господство сената наилучшим способом государственного устройства. С другой стороны, как отмечает П. Брант, в социальных конфликтах всегда находятся члены элиты, которые из принципа принимают сторону масс, и популяры вполне

⁵³ Perelli 1982, 237–239.

⁵⁴ Perelli 1982, 329–241.

⁵⁵ Perelli 1982, 242–243.

⁵⁶ Brunt 1988, 33–36.

⁵⁷ Brunt 1988, 32, 36–40, 42–43.

⁵⁸ Brunt 1988, 32, 40–42.

⁵⁹ Brunt 1988, 34–35.

⁶⁰ Brunt 1988, 53–56.

могли считать свои мероприятия необходимыми для государства. Менее вероятно, что для них имел значение народный суверенитет – они просто вынуждены были его защищать, так как действовали через народное собрание. Но даже если эти люди лишь добивались карьерного продвижения или личной власти, важно, что они для этого обыгрывали недовольство разных слоев, которым сенат пренебрегал⁶¹.

Большое внимание участию различных социальных слоев в римской политике уделяет и Н.Н. Трухина: по ее мнению, в конце Республики существовало не два, а три политических направления⁶². Это оптиматы, отстаивавшие привилегии правящего нобилитета, *boni* – защитники интересов состоятельных людей, недовольных существующим строем, и популяры – мелкоплебейская демократия. Исследовательница подчеркивает, что простой народ имел нужды и заботы, далекие от интересов зажиточных людей: их волновали хлебные раздачи, распределение земли, телесная неприкосновенность, тяготы воинской повинности, права народных трибунов, тайное голосование в комициях. Проведением в жизнь этих мер занимались популяры. Наш основной источник о значении этого термина – Цицерон, и он выделяет у популяров две основные черты: они имеют дело с массой простого народа и прибегают к тактике насилия и мятежа. Цицерон не называет популярами деятелей, которые соприкасались с «народной политикой» лишь эпизодически или руководили плебсом через союзников. Популяры для него – лишь непосредственные вожаки плебса, которые организовывали и побуждали к действию широкие массы.

Р.В. Лапырёнок также ставит во главу угла социальную базу оптиматов и популяров, однако существенно сужает хронологические рамки, в которых эти термины применимы для изучения римской истории. По его мнению, они были введены в политический лексикон Цицероном в период около 64 г., когда обострились противоречия между общественными низами и имущими слоями населения и активизировалась политическая деятельность плебса, которую возглавил Катилина. Наиболее развернутое определение этих терминов содержится в речах Цицерона, произнесенных в 56 г., когда все состоятельные граждане (как сторонники триумвиров, так и консерваторы) объединились, чтобы противостоять движению Клодия. Таким образом, популярами Цицерон называет Катилину, Клодия и их сторонников, которые организовали инертную массу плебса и использовали ее для борьбы против власти, в частности за отмену долгов. Оптиматы же – это коалиция римских собственников, представлявшая все сословия и созданная для противостояния угрозе снизу⁶³.

Однако в трактате «О государстве» Цицерон использует понятия «оптиматы» и «популяры» в ином значении: выражениями *regnum*, *optimatum civitas* и *popularis civitas* он вынужден переводить греческие термины «монархия», «аристократия» и «демократия». Это сочинение оказало значительное влияние на последующие источники, и в них данные термины уже употребляются в «грецизированном» значении: оптиматы как знать, популяры как демократы. Однако, по мнению Р.В. Лапырёнка, не вполне корректно использовать их для анализа исторических событий, предшествующих заговору Катилины и последовавших за убийством Клодия. Вне рамок этого периода не было ни движения неимущих, ни коалиции собственников, а следовательно, ни популяров, ни оптиматов в собственном значении слова⁶⁴.

Исследователи, принадлежащие к данному направлению, как правило, полагают, что популяры не были изолированными друг от друга политиками, но составляли некую группу, пусть даже очень аморфную и нестабильную⁶⁵. Но все же эти авторы предпочитают говорить о популярском течении или движении, а не о партии. Однако в конце 80-х гг. в историографии возобновляются попытки представить популяров как политическую партию, пусть даже во многом отличную от современных парламентских партий.

4. Популяры как политическая партия – возрождение концепции

Важный вклад в выявление организационной структуры популяров внес П. Вандербрук – исследователь, тесно примыкающий к просопографической школе. Он вполне разделяет ее представления о том, что у популяров отсутствовали общая программа или идеология, а единственной общей чер-

⁶¹ Brunt 1988, 52–53.

⁶² Трухина, 1986, 45–59.

⁶³ Лапырёнок 2005а, 76–86.

⁶⁴ Лапырёнок 2005а, 86–88.

⁶⁵ П. Брант, впрочем, пишет о популярах как отдельных политиках или группах политиков, или о популярских движениях во множественном числе, имея в виду их дискретность: Brunt 1988, 35, 74, 415.

той всех политиков-популяров был используемый ими метод мобилизации плебса⁶⁶. Тем не менее он обнаруживает некие организационные связи и групповую лояльность, объединявшие популяров. П. Вандербрук выделяет три типа лидеров-популяров. Во-первых, это «высшие руководители»: Гракхи, Марий, Помпей, Цезарь, Красс, Клодий, Катилина. Они вели активную политику и обращались к народу, чтобы провести новые законы и приобрести последователей, которые смогут поддержать их личные амбиции. Они разделяли идеологию элиты и не предлагали альтернатив существующей структуре власти. Это лидерство было формальным: только Клодий способен был мобилизовать толпу, не занимая никакой должности. Поэтому когда «высший руководитель» являлся частным лицом, ему требовались «лидеры-помощники»⁶⁷.

«Лидеры-помощники» тоже входили в элиту, но занимали младшую магистратуру – трибунат. Эта должность позволяла им созывать трибунные комиции и вносить законы, выгодные для «высших руководителей», а также препятствовать невыгодным для них решениям с помощью права вето. В 80–50-е годы до н.э. трибуны уже не играли самостоятельной роли, так как для борьбы за власть требовались армия и финансовые ресурсы. Поэтому они присоединялись к влиятельным лидерам. Среди этих «лидеров-помощников» наблюдается высокая групповая лояльность: они существенно реже оптиматов переходили из одной фракции в другую, и даже в этом случае чаще всего оставались популярами, примыкая лишь к другому лидеру. П. Вандербрук объясняет это тем, что популяры находились в оппозиции, и чтобы эффективно действовать против сенатского большинства, им необходима была сплоченность. Лояльность была и вынужденной: сотрудничество с «высшими руководителями» популяров так компрометировало трибуна в глазах оптиматов, что он уже не мог рассчитывать на поддержку последних. Карьера «лидеров-помощников» зависела от «высших руководителей», и те содействовали их продвижению, чтобы предотвратить их переход к другому «высшему руководителю». По мере того как возрастали ресурсы магнатов, в «лидеров-помощников» превратились даже консулы⁶⁸.

На третьем уровне находились «лидеры-посредники»: это представители городского плебса, обладавшие внутри него более высоким социальным статусом. Они транслировали плебсу планы лидеров-популяров и мобилизовали его для их поддержки. К этой же группе П. Вандербрук относит, например, служителей при магистратах, клакеров и раздатчиков денег, которые оказывали лидерам-популярам важную техническую помощь⁶⁹.

Таким образом, по мнению П. Вандербрука, среди популяров конца Республики наблюдается нечто подобное политической организации: политики на разных уровнях вынуждены были сотрудничать и зависели друг от друга. Влиятельные фигуры, желавшие противостоять правящей олигархии, стремились опереться на народ, но для его мобилизации им требовалась помощь политиков среднего и низшего уровня, которые в обмен на свои услуги получали престиж, карьерные возможности и материальные выгоды⁷⁰. Таким образом, в концепции П. Вандербрука налицо некоторая двойственность: с одной стороны, популяров связывает квазипартийная организация, с другой – у них нет ни программы, ни идеологии; т.е. при наличии средств для достижения общей цели у них отсутствует сама эта цель.

Э. Ференци также характеризует популяров как оппозиционную партию: ее программа не предполагала свержения существующего строя и предусматривала обеспечение и расширение прав трибуна, защиту жизни и свободы граждан. Для достижения этих целей создавались коллегии, которые могут рассматриваться как политические объединения. Введение тайных выборов свидетельствует о том, что народ обладал гражданским сознанием и мог свободно выражать свои политические убеждения. К 59 г. до н.э. одним из лидеров популяров был Цезарь, а в свое консульство он поднялся на вершину движения. Однако после победы Цезаря в гражданской войне отношения популяров с ним ухудшились, так как он исполнил их программу лишь частично. Враждебность популяров была также вызвана политикой милосердия Цезаря по отношению к оптиматам, а также тем, что Цезарь проводил важные решения не через комиции, а через реорганизованный сенат. Но сближение популяров с противниками Цезаря было лишь временным, и после убийства Цезаря они вновь примкнули к цезарианцам и содействовали их победе⁷¹.

По мнению Дж. Цеккини, зарождавшиеся в Риме политические партии погибли вместе с Республикой. Он полагает, что под влиянием греческой философии во II в. до н.э. в Риме возникли две

⁶⁶ Vanderbroeck 1987, 31–32.

⁶⁷ Vanderbroeck 1987, 26–33.

⁶⁸ Vanderbroeck 1987, 33–52.

⁶⁹ Vanderbroeck 1987, 52–66.

⁷⁰ Vanderbroeck 1987, 65–66.

⁷¹ Ferenczy 1991.

противоположные концепции государства, одна из которых ставила в центр сенат, а другая – народ. Постепенно римская политика все более идеологизировалась, что способствовало появлению политических образований и быстрой эволюции традиционных *coitiones* (краткосрочных ситуативных союзов) в идеологически определенные *factiones* и далее в *partes*, основанные на содержательной программе реформ. В 50-е годы происходило фронтальное политическое и идеологическое противостояние, не сводимое к борьбе могущественных нобилей, в ходе которого две партии – оптиматов и популяров – преобразовались в «партию Цезаря» и «партию Помпея» на краткий период гражданских войн. Дж. Цеккини восстанавливает политическую программу популяров на основании писем Саллюстия к Цезарю и речи Цицерона «За Марцелла» (23); эта программа в значительной мере являлась наследием Гракхов и была реализована личной властью Цезаря. Программа оптиматов сводилась к сохранению статус-кво, т.е. по существу отсутствовала, и лишь диктатура Цезаря дала им позитивную программу – восстановление свободы. В итоге партия Цезаря, наследница партии популяров, одержала верх. В традиционной триаде «сенат – народные собрания – магистраты» магистрат и народ были заменены полководцем и армией, а сенат изолирован и побежден. Таким образом, в тот самый момент, когда политические партии начали приобретать форму, они оказались больше не нужны Риму⁷².

В отечественной историографии двухпартийной схемы придерживается А.Б. Егоров. Проведенный им анализ использования прилагательного *popularis* в сочетании с такими существительными, как *causa*, *res* и *ratio* позволяет, по его мнению, говорить о популярах как о партийном объединении с определенной идеологией, организационными формами и политическим стилем, со своими лозунгами и методами манипуляции массами. Рассмотрев употребление существительного *popularis* применительно к конкретным политикам, А.Б. Егоров приходит к выводу, что речь идет не об одиночках, а о консолидированном движении. Популяры, по его мнению, имели между собой тесные связи и проводили в жизнь одну и ту же программу, включавшую экономические и политические преобразования, защиту прав римских граждан и расширение гражданства. Оппозиция популяров была направлена не против строя, конституции или власти сената, но против злоупотреблений олигархических кланов и партии оптиматов. Движение популяров несколько раз подвергалось разгрому и вновь возрождалось; этим А.Б. Егоров объясняет дискретность их деятельности. Большинство популяров имели незнатное происхождение и не достигли высоких должностей; в условиях господства сената они были обречены оставаться оппозицией. Популяры, по его мнению, постепенно превращались в помощников выдающихся военно-политических лидеров, и в конце концов объединились вокруг фигуры Цезаря⁷³.

5. Популяры как приверженцы демократической идеологии

В рамках дуалистического подхода, сторонники которого считают политическую жизнь в Поздней республике поляризованной, существует и еще одно направление исследований – основное внимание в нем уделяется политическим воззрениям, терминологии, лозунгам популяров. Авторы данных работ обычно не рассматривают популяров как организованную группу, движение или партию (что сближает их с просопографической школой), однако подчеркивают, что в Поздней республике существовало две весьма различных идеологии или традиции – оптиматская и популярская. Наиболее активно это направление исследований развивается в два последних десятилетия, однако и ранее неоднократно публиковались статьи и книги, посвященные анализу популярской идеологии.

Первые серьезные возражения против мнения М. Гельцера о том, что в Риме не было противостояния аристократов и демократов, еще в 1927 г. высказал В. Энслин. Он пишет о том, что до последней трети II в. до н.э. Римом управляла аристократия, и народ соглашался на это, пока правительство обеспечивало его благосостояние. Однако после того, как испанские войны во второй половине II в. до н.э. истощили силы римского народа, господство нобилитета пошатнулось, и граждане стали выше оценивать собственное значение в политике. Одновременно в римскую культуру проникают греческие политические теории⁷⁴. Тиберий Грахх впервые реализовал принцип подотчетности магистратов народу – не из властолюбия, а ради проведения необходимой социальной реформы. Его программа была нацелена на слом господства нобилитета и утверждение народного суверенитета. Тиберий погиб, но его деятельность изменила расстановку сил: верность плебса знати стала менее

⁷² Zecchini 2009.

⁷³ Егоров 2009.

⁷⁴ Ensslin 1927, 313–320.

прочной, и популяры теперь могли опираться на народ⁷⁵. Гаю Гракху удалось на время установить в Риме настоящую демократию (как ее понимали в античности): все вопросы он решал в народном собрании. Однако он потерпел поражение, так как потерял расположение народа, как только попытался дать гражданство союзникам. Несмотря на победу нобилитета, популяры не были уничтожены, и последующие события развивались под влиянием наследия Гракхов. Однако уже при Цинне популяры далеко ушли от того, что ранее считалось демократией. Цезарь же уничтожил как олигархию нобилитета, так и ее демократическую оппозицию⁷⁶.

Несмотря на возражения В. Энслина, концепция М. Гельцера в течение нескольких десятилетий господствовала в западной историографии, но в 1958 г. было опубликовано исследование К. Рюбелинга, в котором основное внимание уделяется особенностям идеологии популярных, а отправной точкой служит употребление понятия *popularis* в античности. Автор приходит к выводу, что оно имело как неполитическое значение (связанный с народом, приятный народу), так и политическое (защитник народа и его интересов). Стремление быть угодным народу связано с этим смыслом, но не составляет ядро понятия, однако враждебная традиция нередко употребляет слово «популяр» в значении «демагог». Таким образом, популяр – это политик, который защищает интересы народа и отдельных граждан против патрициев, оптиматов, сената и магистратов. Популяр проводит свои законы в народном собрании и стремится увеличить власть народа за счет авторитета сената. Популяры – это не политическая группа или партия, а определенный тип политиков, который стремится действовать для народа и через народ⁷⁷. Рюбелинг доказывает, что понятие «популяр» возникло как имитация греческого «демократ». В Риме не существовало партий аристократов и демократов, но были *patres* в сенате и отдельные политики, выступавшие за плебс (*publicolae*, *plebicolae*). Историк-анналисты, писавшие по-гречески, могли их отождествить, а затем эти понятия были переведены на латынь как оптиматы и популяры. Под словом «популяр» образованные люди стали понимать политика, который заботится об интересах народа и добивается народной любви, – т.е. тип демократа, с которым в греческой философии связано представление о потенциальном тиране⁷⁸.

Идеологию популярных К. Рюбелинг восстанавливает по сочинениям Саллюстия и Цезаря: согласно их воззрениям, исторически государство разделялось на две партии – *patres* и *plebs*. В ходе борьбы сословий народ завоевал свободу и с тех пор обладал высшей властью, однако постепенно нравственно опустился и попал в рабство к знати. Свободу народа необходимо восстановить, избавив его от господства клики. Идеология оптиматов, напротив, гласила, что в Риме господствует свобода, но популяры нарушают сложившиеся властные отношения, а следовательно, стремятся к царской власти. К. Рюбелинг отмечает, что воззрения популярных выглядят архаизированными, однако их цель – свержение господства знати и возвращение народу свободы – в конечном счете равнозначна народному господству⁷⁹.

Итак, по мнению К. Рюбелинга, оптиматы и популяры предстают как два абсолютно разных политических типа. В источниках противостояние аристократов и демократов наблюдается гораздо отчетливее, чем личные объединения политиков, и сами римляне расценивали его как раскол государства и народа⁸⁰.

В 1972 г. вышла в свет статья Р. Сигера, где рассматриваются особенности употребления понятия «популяр» у Цицерона⁸¹. Он еще раз оспаривает представление о популярных как о партии и подчеркивает, что они нигде не предстают как группа, даже сколь угодно рыхлая и кратковременная⁸², однако считает корректным говорить о популярской традиции и популярских ценностях (конституционные права народа, его благосостояние, права трибунов и имитация таких образцов, как Гракхи и Сатурнин)⁸³. Р. Сигер отмечает, что Цицерон лишь раз дает определение популярам (*Sest.* 96), и его контекст (*Cic. Sest.* 96–98) предполагает, что популяры – преступные люди, все мотивации которых недостойны. Далее выявлены три основных приема полемики с популярами у Цицерона: оратор либо обыгрывает этимологию слова «популяр» и оспаривает право оппонентов так называться, ибо они не заботятся о благе всего народа, либо обвиняет популярных в измене популярской традиции и противо-

⁷⁵ Ensslin 1927, 320–323.

⁷⁶ Ensslin 1927, 324–328.

⁷⁷ Rübeling 1958, 15–34.

⁷⁸ Rübeling 1958, 35–52.

⁷⁹ Rübeling 1958, 52–81.

⁸⁰ Rübeling 1958, 64–66. С.Л. Утченко (1963, 90–94) полностью разделяет подход К. Рюбелинга.

⁸¹ Seager 1972.

⁸² Seager 1972, 333–338. В этом его мнение вполне совпадает с установками просопографической школы.

⁸³ Seager 1972, 328–333.

поставляет друг другу различные ее элементы, либо подставляет вместо традиционных популярных ценностей оптиматские (мир, согласие, покой), и утверждает, что, защищая их, именно он является истинным популяром⁸⁴.

После того как аргументы сторонников дуалистического подхода к исследованию политической борьбы конца Республики несколько пошатнули позиции приверженцев плюралистической концепции, попытку разрешить этот спор предпринял Г. Ашар⁸⁵. Он поставил вопрос: как сами римляне определяли место сограждан в политике – через отношение к *res publica* и сенату или через связи с тем или иным деятелем? Проведенное им исследование показало, что формулы, указывающие на отношение персонажа к сенату, государству или существующему положению (*optimus, bonus, amans rei publicae* и т.д. или, напротив, *popularis, improbus, hostis* и т.д.), встречаются в источниках чаще, чем эпитеты или обороты, указывающие на связи с кем-то (*amicissimus... familiaris... или, напротив, molestus... и т.д.*). Однако еще более важным Г. Ашар считает тот факт, что многие формулы включают двойную квалификацию: один термин уточняет личные связи, второй – отношение к республике, сенату и т.д. (например *constans ciui et... Graccho molestus* – Cic. Brut. 117). В годы стабильности обычно имеется соответствие между этими структурами: гражданин – друг того или иного лица и одновременно разделяет его мнение о государстве. Но когда политическая борьба обостряется, две эти составляющие часто приходят в противоречие, и двойные выражения особенно многочисленны в источниках там, где речь идет о кризисах. В периоды тирании говорится только о личных связях. Следовательно, для римлян место человека в политике одновременно определялось его отношением к государству и его связями с той или иной важной персоной, гражданин одновременно входил в структуру личных связей и дихотомическую общественную структуру.

Начало новому этапу исследований положила статья Н. Маки⁸⁶. Полемизируя со сторонниками просопографического подхода, автор отмечает: в концепцию о том, что популяры – это политики, использующий определенный метод (обращение к народу ради достижения собственных целей), не укладываются важные факты. Во-первых, римляне различали истинных и ложных популярных; во-вторых, в популярском методе важную роль играло идеологическое обоснование. Это предполагает существование настоящих споров между популярами и их противниками, суть которых заключалась в том, как следует разграничить авторитет сената и свободу народа. Оптиматы утверждали, что сенат лучше знает, в чем состоит благо для государства, а государственные институты, охраняемые законами и обычаями, священны. Популяры заявляли, что сенат пренебрегает общими интересами и преследует собственную выгоду, народ же должен активнее участвовать в управлении и вернуть себе свободу. Оптиматы и популяры во многом разделяли общие ценности и не отвергали аргументы друг друга, а вынуждены были их оспаривать. Невозможно представить, по мнению Н. Маки, что все эти аргументы, звучавшие публично, ни во что не ставились ораторами и их аудиторией. С другой стороны, удельный вес законов, направленных на расширение и защиту прав народа, был слишком велик, чтобы считать, что популяры просто защищали его материальные интересы. Н. Маки указывает, что мотивы популярных можно оценить лишь вероятностно и применительно к конкретным случаям. Римская политика не предполагала жесткого партийного разделения, и по разным вопросам политик мог примыкать к разным группам. Однако истинную непоследовательность римляне видели и осуждали. Чтобы считаться популяром, недостаточно было ни обращаться к народу в популярской манере, ни даже провести популярский закон. По мнению Н. Маки, главный признак популяра – это публичная приверженность идеологической теме прав и интересов народа.

Ж.-Л. Феррари отмечает, что трудно говорить о программе популярных, так как они не были партией, однако существовал «континуум идей»: в индивидуальных программах прослеживались общие элементы. Наблюдалось столкновение двух достаточно связанных представлений об иерархии государственных институтов. Вокруг авторитета сената и прав народа сложились две системы ценностей, и даже общие ценности (свобода и величие римского народа) получают в них различные интерпретации. Популяры, по мнению Ж.-Л. Феррари, не стремились уничтожить аристократическое правление и превратить Рим в демократию, а хотели лишь усилить влияние народного собрания и обеспечить свободное волеизъявление граждан. Но их идеология и методы были демократическими и поэтому

⁸⁴ Seager 1972, 333–338. В другой статье Р. Сигер реконструирует отношение Ливия к популярам конца Республики, анализируя четыре ситуации-прототипа, описанные Ливием (Сп. Кассий, Сп. Мелий, Манлий Капитолийский и децемвир Аппий Клавдий), а также содержание ливианской традиции, и приходит к выводу, что терминология, аргументы и установки Ливия вполне совпадают с цicerоновскими, и там, где ливианская традиция однозначно враждебна популярам, можно предполагать сохранение собственных взглядов Ливия: Seager 1977.

⁸⁵ Archard 1982.

⁸⁶ Mackie 1992.

пугали и отталкивали их противников. С другой стороны, отказ сената от любых реформ вынуждал популяров прибегать к непропорциональным, почти революционным методам, которые вели к их изоляции. Скрытое недовольство народа политикой сената росло по мере того, как последний блокировал необходимые реформы. Однако в идеологическом плане авторитет сената и власть народа не составляли альтернативы: авторитет сената ослабевал, но требование народного суверенитета не находило достаточного числа приверженцев⁸⁷.

А.Н. Токарев рассматривает события последних десятилетий Республики как борьбу между многочисленными коте́риями – небольшими группировками аристократов, которые складывались вокруг политиков-лидеров и конкурировали между собой в мирные периоды; их влияние и организованность были довольно ограничены. В периоды гражданских войн на основе некоторых коте́рий возникали аморфные политические группировки большой численности – *partes*, для которых были характерны персонифицированность и дуализм (*partes* всегда было две). Ни коте́рии, ни *partes* не имели собственных идеологических программ, но использовали лозунги оптиматов и популяров. Эти термины представляли собой обозначения двух идейно-политических течений, внутри которых действовали коте́рии, опиравшиеся на сенат, или отдельные политики, рассчитывавшие на поддержку народа. В своей агитации оптиматы и популяры использовали одни и те же традиционные ценности, вкладывая в них различный и зачастую противоположный смысл. Лозунг *res publica* у оптиматов означал *res publica omnium bonorum* (государство всех порядочных людей), а у популяров – *res populi Romani* (общее дело римского народа); лозунг «свобода» (*libertas*) у оптиматов подразумевал свободный доступ знати к управлению государством, а у популяров – политические права народа; «защитником свободы» (*vindex libertatis*) оптиматы называли защитника власти нобилитета, а популяры – освободителя римского народа; мир (*pacis*) в понимании оптиматов – это положение, когда власти сената ничто не угрожает, а в понимании популяров – гражданский мир⁸⁸.

В. Арена также говорит о существовании в позднереспубликанском Риме двух интеллектуальных традиций: оптиматской и популярской. Обе трактовали свободу как неподчинение произволу другого лица или группы, но расходились в вопросе о том, что необходимо для достижения и сохранения свободы и сколько свободы должны иметь различные общественные группы. Популярская традиция нигде не изложена последовательно, но информацию о ней можно извлечь из трактата Цицерона «О государстве» (I. 47–51) и из фрагментов речей позднереспубликанских популяров⁸⁹. Каждая из данных традиций представляла собой последовательный образ мыслей; они отличались друг от друга трактовкой таких фундаментальных терминов, как свобода, справедливость и суверенитет, и давали римским политикам язык и понятийные рамки для анализа политических проблем и обоснования своих действий. Использование одного из двух наборов терминов, идей и ценностей в сочетании с определенным политическим поведением и методами позволяло называть политика популяром или оптиматом⁹⁰.

В рамках популярской традиции гражданское сообщество признается единственным носителем власти и высшим собственником всех благ. Народ не простоверяет кому-то власть, но непосредственно осуществляет правление через народное собрание, которое отвечает за принятие общеобязательных решений и справедливое распределение благ. Сенат должен быть покорен воле народа; если магистраты не исполняют воли народа, то он вправе отрешить их от должности. Понятие «величие римского народа» заимствовано популярами из области внешней политики и стало означать право народа на выражение своей воли в народном собрании и превосходство последнего над магистратами и сенатом. Свобода, таким образом, идентифицируется с властью, с возможностью управлять государством. Понятие справедливости в популярской традиции предполагает равенство политических прав граждан а также их равную долю в общих благах. Государство понимается как сообщество, в котором интересы каждого члена идентичны интересам всего сообщества и каждый гражданин является собственником всего⁹¹.

⁸⁷ Ferrary 1997. Дополняя Ж.-Л. Феррари, К.-Й. Хёльескамп (1997) отмечает, что сенат регулярно отвергал необходимые реформы, поэтому утверждение популяров о том, что он не представляет интересы всего народа, звучало убедительно. Их идеология была политически легитимна и утверждала концепции, которые оптиматы не могли оспорить: центральная роль римского народа, его политические права, свобода и величие.

⁸⁸ Токарев 2011, 28–69.

⁸⁹ Arena 2012, 6, 116.

⁹⁰ Arena 2012, 6–7, 117.

⁹¹ Arena 2012, 116–168.

Таким образом, В. Арена, как и многие ее предшественники⁹², подчеркивает, что в Поздней республике существовало две конкурирующие системы взглядов. Однако она, как и некоторые другие историки (Н. Маки, Ж.-Л. Феррари, А.Н. Токарев), указывает на значительное сходство политической терминологии оптиматов и популяров, в центре которой неизменно находятся понятия *res publica* и *libertas*. Данное обстоятельство в последние годы побудило ряд исследователей усомниться в существовании раскола и выдвинуть тезис об идеологической однородности римской политики.

6. Идеологическая однородность политического дискурса

Р. Морстейн-Маркс, рассматривая дебаты на народных сходках, доказывает, что их нельзя считать соперничеством двух идеологий – оптиматской и популярской. В народных собраниях (в отличие от философии, переписки, речей в сенате или суде) консервативные политики никогда не признавали, что разделяют иную систему ценностей, чем их противники. Они использовали тот же лозунг, что и популяры, – свобода от тирании и выгоды народа. Вопрос ставился так: действительно ли данный политик своим предложением защищает интересы народа, или же он добивается каких-то личных целей. На сходке никто не осмеливался утверждать, что авторитет сената имеет больший вес, чем воля народа, но никто и не призывал сократить полномочия сената; популяры порицали лишь первых лиц в сенате. Таким образом, на народной сходке разрушалась дихотомия «оптиматы – популяры». И те, и другие поддерживали идеологическую однородность и спорили о том, кто из них должен считаться истинным представителем одной и той же – популярской – идеологии, которую Р. Морстейн-Маркс называет также народной идеологией, идеологией сходки. Она представляла собой общенародный консенсус, который лежал в основе всех успешных речей перед народом. В сенате тоже наблюдалось единство дискурса, но уже другого. Таким образом, существовало две различные сферы, где один и тот же сенатор мог играть две очень разные роли⁹³.

К. Гэлбрайт признает, что после Суллы существовал раскол на оптиматов и популяров, однако считает, что применять эти категории для анализа предшествующих событий не вполне корректно. Исследователь отмечает, что понятия, в которых политики выражали свою позицию (и прежде всего понятие *res publica*), были очень широкими и гибкими, допускали различную интерпретацию. В политическом дискурсе не было традиционалистов и радикалов, защитников статус-кво и реформаторов; противники спорили о том, что именно представляет собой традиционная *res publica*⁹⁴. В первой половине II в. до н.э. термин *popularis* имел значение «нечто относящееся к народу и его интересам», а исходное значение термина «оптимат» – «гражданин, наделенный лучшими качествами». Исходно они не предполагали противопоставления, но ко временам Цицерона стали означать политические противоположности: те, кто верит в первенство народа, и те, кто желает, чтобы народом управлял сильный сенат. Однако в эпоху от Гракхов до Суллы дело еще обстоит иначе: в сенате существовал спектр мнений, политики не группировались вокруг двух полюсов. Каждый вопрос рассматривался сам по себе, а не как консервативная или популярная мера, и в карьере многих политиков сложным образом сочетались оптиматские и популярские мероприятия. Для данного периода нет свидетельств не только реального, но даже риторического противопоставления оптиматов и популяров. Ораторы противоположных политических направлений определяли себя как *bonus*, *optimus* или *optimas* и пытались оспорить право оппонентов на это имя. Популяров как противоположности оптиматам не существовало⁹⁵.

М.А. Робб, исследуя политический язык в Поздней республике, доказывает, что определения оптиматов и популяров в речи Цицерона «За Сестия» (96–106) продиктованы его политическими целями – укрепить собственную позицию и атаковать Клодия – и сильно отклоняются от обычного

⁹² Например, Lintott 1992, 48–53; 1999, 174–175; Tatum 1999, 1–31; Mouritsen 2010, 10. Последний автор отмечает важную роль популяров в политизации народных собраний: они привлекли туда представителей низших классов, которые стали голосовать за законы, опасные для авторитета сената, тогда как до середины II в. до н.э. собрания посещали лишь небольшие группы зажиточных людей, имеющих общие интересы с сенатом (Mouritsen 2010, 67–89). К этому же направлению примыкает А. Дупла (2001), который подчеркивает, что появление после диктатуры Суллы консулов-популяров свидетельствует о разрушении идеологического консенсуса в самом сердце элиты: они удовлетворяли социальные требования, нарушая традиционные республиканские механизмы, и подрывали внутреннее единство нобилитета, лежавшее в основе его власти.

⁹³ Morstein-Marx 2004, 204–240.

⁹⁴ Galbraith 2004, 87–119.

⁹⁵ Galbraith 2004, 120–181.

словоупотребления⁹⁶. Слово «популяр» не обязательно предполагает конфликт с сенатским большинством, оно может использоваться и в позитивном смысле и означать политика, действующего во благо всего народа, т.е. государства, – но все политики утверждали, что именно так они и действуют, и спор шел лишь о том, и впрямь ли данные действия предпринимаются в интересах государства и пойдут ему на пользу. Конечно, слово «популяр» могло использоваться и в негативном смысле, для описания демагогических методов противодействия сенату, но эти два смысла четко разделяются. Интерпретация слова «популяр» зависит от контекста, и такая картина не вписывается в биполярную модель политики⁹⁷. Диапазон общепринятых значений слова «оптиматы», напротив, довольно узок: если исключить речь Цицерона «За Сестия», то оно обозначает богатый правящий класс, аристократию, сенат и имеет сильный оттенок нравственного превосходства⁹⁸. Таким образом, по мнению М. Робб, политический язык Поздней республики отражает глубинное стремление к сохранению существующей аристократической системы, основанной на согласии и сотрудничестве. Политические конфликты происходили в рамках общей системы ценностей, включавшей и деятельность в интересах римского народа⁹⁹.

Итак, в развитии исследований, посвященных деятельности популяров, можно выделить следующие тенденции. Первоначально, в XIX – начале XX в., господствовало заложенное Т. Моммзеном представление о том, что в Поздней республике за власть боролись две политические партии, в чем-то схожие с европейскими парламентскими партиями: аристократическая и консервативная партия оптиматов и демократическая и реформистская партия популяров. Впоследствии эта теория подверглась серьезной критике, но до настоящего времени предпринимаются попытки выявить структуру и/или программу партии популяров (например, в работах П. Вандербрука, Дж. Цеккини и А.В. Егорова).

Новым этапом в исследовании римских политических группировок стала концепция М. Гельпера. Ее сторонники, преобладавшие в историографии в 30–60-х годах XX в. (Г. Штрасбургер, Р. Сайм, Кр. Майер, Й. Мартин), отказались от биполярного представления о римской политической борьбе и описывали ее как соперничество небольших аристократических группировок, складывавшихся и распадавшихся в зависимости от конкретного вопроса. В рамках этой концепции популяры рассматриваются как отдельные политики, прибегавшие (как правило, в течение недолгого времени) к определенному политическому стилю или методу. Не имея возможности провести свои мероприятия через сенат, они обращались напрямую к народному собранию и использовали демагогический набор лозунгов и ораторский стиль. Как правило, они не ставили себе целью защиту интересов народа и рассматривали его как средство достижения своих целей.

Возражения против данного подхода стали особенно многочисленны в последней трети XX в. Исследователи, желающие вернуться к дихотомической модели, как правило, уже не считают популяров политической партией, но все же усматривают некую объединяющую их программу или идеологию. Некоторые историки (Ф. Де Мартини, Л. Перелли, П. Брант, Н.Н. Трухина) подчеркивают важность экономической составляющей в политической борьбе и рассматривают популяров как защитников интересов малоимущих. Каковы бы ни были субъективные цели этих политиков, но объективно они проводили мероприятия, отвечавшие потребностям народа, и именно это позволяло им приобретать популярность и влияние. Данный подход к деятельности популяров был наиболее распространен в 70–80-х годах XX в.

С 90-х годов исследователи (Н. Маки, Ж.-Л. Феррари, А.Н. Токарев, В. Арена) стали уделять значительно больше внимания идеологическим противоречиям, которые возникли в последний век Республики и привели к глубокому расколу римской элиты на сторонников авторитета сената и суверенитета народа. Они рассматривают популяров как политиков, которые публично выражали приверженность таким ценностям, как свобода народа и блага народа, и призывали избавить его от господства олигархии, захватившей контроль над сенатом и преследующей собственные корыстные интересы.

Однако в последнее десятилетие в западной историографии высказываются сомнения в существовании подобного идеологического раскола. Напротив, ряд исследователей (Н. Морстейн-Маркс,

⁹⁶ Robb 2010, 35–68.

⁹⁷ Robb 2010, 69–94. Одновременно с книгой М. Робб была опубликована статья К. Трэйси, где иначе трактуется общепринятое значение слова «популяр». Автор показывает, что обычно этот термин не использовался в позитивном смысле, а большинство случаев, где Цицерон придает ему такой смысл, – полемические: он пытается изменить значение слова «популяр», чтобы обосновать перед сенатской элитой свою зависимость от народа: Tracy 2008–2009.

⁹⁸ Robb 2010, 95–108.

⁹⁹ Robb 2010, 147–166.

К. Гэлбрайт, Н. Робб) утверждают, что в римской политике наблюдается идеологическая однородность, – по крайней мере, в определенные периоды или в определенных публичных ситуациях. Среди римских нобилей существовал консенсус относительно базовых ценностей, и дискуссии велись лишь о том, отвечает ли предлагаемое мероприятие истинным интересам народа, или же его инициатор преследует собственные эгоистические интересы. Таким образом, проблемы, связанные с римскими политическими партиями и группировками, с политической и идеологической борьбой в эпоху Поздней республики, по-прежнему остаются в центре внимания исследователей и продолжают вызывать серьезные дискуссии, причем по сравнению с концом XIX или серединой XX в. в наше время гораздо труднее выделить из существующих парадигм и концепций основную и ведущую.

Литература

1. Егоров А.Б. 2009: Римские популяры – терминология, структура движения и идеология // Мнемон. 8, 199–232.
2. Ковалев С.И. 1986: История Рима. Курс лекций. Л.
3. Лапырёнок Р.В. 2005а: Эволюция понятий *optimates* и *populares* в произведениях Цицерона // *Studia historica*. 5, 76–88.
4. Лапырёнок Р.В. 2005б: Политическая борьба в поздней римской республике: оптиматы и популяры. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов.
5. Машкин Н.А. 1947: Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н.э. // ВДИ. 3, 126–139.
6. Моммзен Т. 1937: История Рима / Рус. пер. под ред. Н.А. Машкина. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. М.
7. Моммзен Т. 1941: История Рима / Рус. пер. под ред. Н.А. Машкина. Т. 3. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. М.
8. Токарев А.Н. 2011: Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков.
9. Трухина Н.Н. 1986: Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.
10. Утченко С.Л. 1963: К вопросу о римских политических партиях // ВДИ. 3, 82–95.
11. Adcock F.E. 1964: Roman political ideas and practice. Ann Arbor.
12. Archard G. 1982: Langage et société. À propos des *optimates* et des *populares* // *Latomus*. 41, 794–800.
13. Arena V. 2012: *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambr.
14. Brunt P.A. 1988: *The fall of the Roman Republic and Related Essays*. Oxf.
15. De Martino F. 1980: *Motivi economici nelle lotte dei populares* // *De iustitia et iure*. Festschrift Ulrich von Lübtow / M. Harder, G. Thielmann (Hrsg.). B.
16. Doblhofer G. 1990: *Die Popularen der Jahre 111–99 v. Chr.* Wien–Köln.
17. Drumann W. 1964: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen* / Bd 3. 2 Aufl. P. Groebe (Hrsg.). Hildesheim.
18. Duplá A. 2011: *Consules populares* // *Consul and Res publica* / H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Cambr., 279–298.
19. Ensslin W. 1927: *Die Demokratie und Rom* // *Philologus*. 82, 313–328.
20. Ferenczy E. 1991: *Caesar und die Popularen* // *Klio*. 73, 413–419.
21. Ferrary J.-L. 1997: *Optimates et Populares: Le problème du rôle de l'idéologie dans la politique* // *Die späte römische Republik / La fin de la république romaine: Un débat Franco-Allemand d'histoire et d'historiographie* / H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (dir.). Rome, 221–231.
22. Galbraith C. 2004: *The language of popular politics from the Gracchi to Sulla*. PhD Thesis. St. Andrews.
23. Gelzer M. 1912: *Die Nobilität der römischen Republik*. B.
24. Gelzer M. 1968: *Caesar: Politician and Statesman* / Transl. P. Needham. Cambr., Mass.
25. Hackl U. 1987: *Die Bedeutung der popularen Methode von den Gracchen bis Sulla im Spiegel der Gesetzgebung des jüngeren Livius Drusus, Volkstribun 91 v.Chr.* // *Gymnasium*. 94, 109–127.
26. Hellegouarc'h J. 1963: *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques*. P.
27. Hölkeskamp K.-J. 1997: *Kommentar zu J.-L. Ferrary, «Optimates et populares. Le problème, du rôle, de l'idéologie dans la politique»* // *Die späte römische Republik / La fin de la république romaine: Un débat Franco-Allemand d'histoire et d'historiographie* / H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (dir.). Rome, 231–235.
28. Lintott A. 1992: *Political history, 146–95 B.C.* // *CAH²*. Vol. 9 / J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.). Cambr., 40–103.

29. *Lintott A.* 1999: The Constitution of the Roman Republic. Oxf.
30. *Mackie N.* 1992: Popularis Ideology and Popular Politics at Rome in the First Century B.C. // *RhM.* 135, 49–73.
31. *Martin J.* 1965: Die Populären in der Geschichte der Späten Republik. Freiburg im Brisgau.
32. *Meier Chr.* 1965: Populares // *RE. Suppl.* Bd 10 / K. Ziegler (Hrsg.). 578–602.
33. *Meier Chr.* 1966: Res publica amissa. Wiesbaden.
34. *Morstein-Marx R.* 2004: Mass Oratory and Political Power in the Late Republic. Cambr.
35. *Mouritsen H.* 2010: Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambr.
36. *Perelli L.* 1982: Il movimento popolare nell'ultimo secolo della Repubblica. Torino.
37. *Robb M.A.* 2010: Beyond Populares and Optimates: Political Language in the Late Republic. Stuttgart.
38. *Rübeling K.* 1958: Untersuchungen zu den Popularen. Düsseldorf.
39. *Scullard H.H.* 1970: From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L.
40. *Seager R.* 1972: Cicero and the Word Popularis // *CQ.* 22, 328–338.
41. *Seager R.* 1977: Populares in Livy and the Livian tradition // *CQ.* 27, 377–390.
42. *Serrao F.* 1974: Classi, partiti e legge nella Repubblica romana. Pisa.
43. *Strasburger H.* 1939: Optimates // *RE.* Bd XVIII. 1, 773–798.
44. *Syme R.* 1939: The Roman Revolution. Oxf.
45. *Tatum W.J.* 1999: The Patrician Tribune: P. Clodius Pulcher. Chapel Hill.
46. *Taylor L.R.* 1971: Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley–Los Angeles–London.
47. *Tracy C.* 2008–2009: The People's Consul: The Significance of Cicero's Use of the Term Popularis // *ICS.* 33–34, 181–199.
48. *Vanderbroek P.J.J.* 1987: Popular Leadership and Collective Behaviour in the Late Roman Republic. Amsterdam.
49. *Wirszubski Ch.* 1968: Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr.
50. *Zecchini G.* 2009: I partiti politici nella crisi della repubblica // Partiti e fazioni nell'esperienza politica romana / G. Zecchini (a cura di). Milano, 105–120.

Olga V. Lyubimova,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
lov800@yandex.ru

О.В. Любимова,
соискатель на кафедре истории
древнего мира и средних веков Уральского
федерального университета

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 207–215

А.В. БАННИКОВ. Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 256 с., 48 цв. илл.*

«Текст монографии, подготовленной в самые короткие сроки, возможно, вызовет критику и даже нарекания. Автор заранее приносит благодарность всем, кто высказет свои замечания», – такими словами (с. 6) А.В. Банников предваряет свою книгу, приглашая, по сути дела, к ее критическому разбору. И надо сразу сказать, что эта небольшая монография, представляющая собой дополненный вариант кандидатской диссертации, защищенной в 2003 г.¹, действительно по многим позициям уязвима для критики.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие в монографии введения и заключения. Поэтому читателю приходится самостоятельно судить как о ее общем замысле и конкретных исследовательских задачах, которые ставил перед собой автор, так и об основных итогах исследования. Не обозначая ни собственных подходов, ни проблемных вопросов заявленной темы, А.В. Банников, по сути дела, никак не позиционирует свою работу в современном историографическом потоке, посвященном римской императорской армии, который чрезвычайно насыщен разнообразными новыми идеями,

* Работа поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ), а также грантом РГНФ, проект № 14-21-20003.

¹ Банников 2003. Рецензируемая книга хронологически предшествует ранее опубликованной монографии, которая также восходит к кандидатской диссертации автора: Банников 2010.